

Максим Федосов

*Два билета
на край света*

сборник рассказов

12+

Максим Федосов

**Два билета на край
света. Сборник рассказов**

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Федосов М. В.

Два билета на край света. Сборник рассказов / М. В. Федосов — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Потянув за едва уловимые, тонкие ощущения, можно вывернуть эту напряженную серость жизни «наизнанку». А вдруг там окажется что-то ещё неосознанное и таинственное? И вот — двери комнат открываются, словно страницы невидимой книги, герои так торопятся, что обгоняют собственную жизнь, игрушечные самолетики взлетают, бумага пытается руководить людьми, а смех превращается в слезы. И кажется, главный Автор Жизни, который стоит за жизнью каждого человека, любит и жалеет нас. Любит, наказывает... но продолжает дарить Жизнь.

© Федосов М. В., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

ДВА БИЛЕТА НА КРАЙ СВЕТА

С детства Василий Коротков мечтал побывать на море. И мечта его сбылась. Море тогда было тёплым, нежным, волнующим, беззаботным и очень чистым, хотя и называлось Чёрным...

Было это тридцать лет назад.

Отслужив срочную службу и вернувшись в родной город, Василий долго не мог найти себе место. Бывший рядовой Коротков был интересен всем в те неторопливые и спокойные годы, – девчонкам в цветастых платяцах, что звали на танцы, пацанам-одноклассникам в накрахмаленных белых рубашках, которые звали выпить-покурить, задумчивым серым человечкам в серых пиджачках, которые тоже звали Василия куда-то, родителям, которые не отпускали сына ни к первым, ни ко вторым, ни к третьим. Родители тогда вообще не отпускали Васю ни на шаг от себя – лихие времена, казалось, уже кончились, но на кухнях тихим шёпотом то и дело поговаривали о возвращении «жёсткого курса» и с некоторой болью вспоминали нелёгкое послевоенное время.

Чтобы отвлечь молодого парня от заманчивых увлечений, родители вытащили единственную заготовку, спрятанную в шкафу с постельным бельем, и вручили Василию с твердым пожеланием: ему обязательно нужно отдохнуть на море! На теплом южном море, где он мог бы набраться сил и подлечить расстроенный северной службой организм.

Так осуществилась первая и единственная мечта Василия.

Раз – и на море.

Море... Далекое... Волнующее... Он слышал его только в большой шумящей ракушке, что лежала в серванте, и видел лишь на фотообоях. Это была даже не мечта, – это была молния, ударившая туда, где эти мечты, как правило, долго созревают.

Через несколько дней, в белых парусиновых штанах, легком светлом пиджачке и с мягким кожаным чемоданом фабрики «Буревестник» Василий сошел с поезда и направился в санаторий. Начинались лучшие дни его жизни.

На второй день отпуска он отправился к морю, но встретил... Катю. Катя, приехав из Ленинграда, тоже шла первый раз в жизни смотреть на море, – им было о чём поговорить. Каждый представлял себе его по-разному, каждый ожидал увидеть что-то свое. Но море обмануло их... Оно было не просто свежим, ярким, волнующим и чистым, – оно словно поглотило, закрутило их в водовороте страстной любви и нежности, пролилось водопадом в их сознание, вытеснив оттуда по капле все горькое, обидное, будничное и изрядно надоевшее.

Они допоздна сидели на скамейках набережных, смеялись, пили лимон и крутили в руках два мятых купейных билета, которые сложились, словно диковинный пазл. Там же, под шум волн, одной рукой обнимая Катю, Вася напевал эту странную мелодию из неизвестной песни «Два билета на край света», делая акцент на слове «два».

Четыре недели курортного счастья пролетели, как ни странно, очень быстро – всего за месяц. Кате нужно было возвращаться домой, Василию определяться с профессией в родном городе. Устроить семейную жизнь сразу как-то не получилось, решили писать друг другу письма, посылать телеграммы и ждать возможности встретиться в Москве. Василий пошел на вокзал провожать свою невесту. Он обнимал её, стоя на платформе, рядом с грязно-зеленым вагоном, а она мечтала вслух о том, как сложится их жизнь, как они будут приезжать сюда опять, непременно каждый год, чтобы море вновь и вновь соединяло их.

Потом поезд громко свистнул, тронулся, и Катя увезла все мечты с собой.

Василий долго ходил по платформе, считал одинокие серые урны, которые стояли возле каждого столба и пытался представить своё прекрасное будущее. В конце платформы он оста-

новился у старого, выцветшего стенда, где висели ободранные объявления о приеме на работу. Мысль о том, что здесь, на курорте, тоже можно жить и работать, осенила его. Он решил не возвращаться в свой родной город, не «искать себя» в профессии, а остаться пока здесь, на курорте, – где можно целиком отдаться этой набегающей, расслабляющей и беспечной морской волне.

Нет, не то чтобы он так любил море. Просто на море можно было жить, наслаждаясь каждой минутой, а там, в родном городе, нужно было бы гнуть спину у станка и развлекаться по вечерам дешевой водкой или вином. А ещё он думал, что остаётся тут, чтобы не изменить тем мечтам, о которых рассказывала ему Катя.

Василий оторвал объявление, и на следующий день пришёл устраиваться на работу. Ему предложили поработать водителем на мусороуборочной машине. Временно. Машины и разные механизмы всегда привлекали Василия, и он согласился.

Через год пришло письмо от Кати, с новостями о том, что она очень удачно вышла замуж за пилота международных рейсов.

А ещё через два года Вася женился на Зине, работнице столовой при санатории, и другую работу так и не нашёл.

Да он, собственно, уже и не искал.

С тех пор прошло почти тридцать лет. Но Вася вспоминал то время почти каждый день, когда после сытного обеда в столовой, он садился на скамейку рядом с гаражом, и не спеша закуривал сигарету. Он курил, а клубы дыма стояли над ним, как влажный, промозглый туман ранним осенним утром. Дым медленно таял, как таяли ожидания и надежды на наслаждения и волнующую морскую волну, набегающую...

В общем, таял и таял.

Василий вздыхал, его молчаливый мусороуборочный ЗИЛ мрачно смотрел на него огромными стеклянными фарами, словно не понимая, почему этот взрослый, сильный мужчина с крупными руками и задумчивыми глазами так глубоко вздыхает. Ведь у него было всё: работа, униформа, горячий обед по расписанию, семья, квартира и даже веселый напарник Жора, который работал вместе с ним, чередуя недели.

Василий продолжал вспоминать, с каким огромным трудом он нашел себе угол с кроватью в доме, рядом с санаторием, как работал в две смены, чтобы заработать деньги для оплаты телеграмм в Ленинград, которые он первые недели посылал по две-три штуки в день. Он вспоминал, как познакомился с Жорой, будущим напарником, а тот, в свою очередь, познакомил его со своей сестрой Зиной, поваром в санаторной столовой.

Вспоминал он, как она, эта сильная, крупная и добрая женщина, спасала двух голодных мужиков от потенциального гастрита теплыми бульонами и горячими котлетами. Её забота о Василии всегда носила какой-то особый гастрономический оттенок, – теперь в его доме холодильник был постоянно забит готовой едой, по крайней мере, это не напрягало его и даже успокаивало.

Зина, в свою очередь, часто напоминала ему о своём вкладе в семейный бюджет и, особенно в те дни, когда он позволял «лишнего» после работы. Но уже утром она прощала его, и кормила теплой кашей с блинами, и пока он ел, смотрела на него с каким-то состраданием.

Выезжая в рейс каждое утро, Василий ругался на жителей, особенно на отдыхающих: они всё время норовили бросить мусор мимо бака, кидали его, даже не целясь и не пытаясь попасть. Василий злобно ругался, материл их последними словами, но из закрытой кабины его никто не слышал. Работа его начиналась очень рано: город в предрассветном сумраке ещё мирно спал, когда он останавливался около первого из двадцати контейнеров, шумно разворачивал машину боком к баку, выходил, громко хлопая дверью и надевал глубоко промасленную, грязно-зеленого цвета робу с надписью «Чистый город» на спине. Затем хваткой сильного

многоборца в грубых перчатках он поворачивал мусорный контейнер, надевал захваты крана, и, нажимая на рычаги под кабиной, мощно и как-то легко управлялся со своей работой: бак взлетал над машиной и опрокидывался.

К работе своей Василий относился ответственно: он считал, что никто, кроме него, не способен вот так, быстро и ловко, разгружать мусорные контейнеры, очищая родной город. Каждый раз, когда контейнер переворачивался в воздухе, Василий представлял себя в роли циркового атлета, легко жонглирующего огромными гирями, – многокилограммовый бак взлетал по мановению его сильных рук.

В этот момент он любил свою работу.

Но уже через минуту, садясь в кабину и морщась от вьедливого неприятного запаха, исходившего от его одежды, он ненавидел этот мусор, эту машину, этот город. Когда первые лучи солнца трогали мокрый от ночного дождя асфальт, а первые жители города, проснувшись, спешили на работу, настроение его ещё больше портилось: он видел сытые и довольные лица отдыхающих, увешанных надувными кругами и полотенцами. Непринуждённо разбрасывая вокруг себя обертки и бутылки, они спешили на пляж, чтобы занять оборону вокруг лучших лежаков.

Отдыхающие, как правило, не замечали ни его огромного, грязно-оранжевого автомобиля, ни самого Василия, ни того мусора, который они вокруг себя так быстро распространяли. Лишь изредка можно было увидеть его резкий взгляд, который, как испепеляющий лазерный луч скользил мимо баранки автомобиля, через стекло и впивался в бумажный стаканчик с мороженым, которое так сладко доедал какой-нибудь толстый гражданин в ярких курортных трусах и выцветшей майке. Этот взгляд словно пронзал и бумажный стаканчик, и этого толстого гражданина насквозь. Василию почему-то казалось, что эти «курортные трусы» словно насмеются над ним, над его работой и над этим уставшим от приезжих курортников городом.

Дома Василий не находил себе места, – в тесной «двушке» одна комната была выделена для гостиной, в которой Зинины подруги часто засиживались до поздней ночи, обсуждая впечатления и события дня. Вторая комната была разделена перегородкой, в одной половине стояла большая кровать, а в другой части помещался огромный шкаф, сундуки, коробки и чемоданы. Зина говорила, что хранит там в основном всё то, что пригодится Толику, их взрослому сыну для самостоятельной жизни, когда тот вернется из армии. Толик служил где-то на Севере, писал домой нечасто, а про отца в письмах почти не вспоминал.

Отношения с сыном у Василия было сложные. Ещё в детстве Толик стеснялся того, что его отец работает на мусороуборочной машине, ведь у его друзей папы работали капитанами дальнего плавания, милиционерами и спасателями. Как ни убеждал Толика отец, что любые работы хороши, сын, видимо, не сильно этому верил. Василий любил сына и был готов помогать ему во всём, однако Толик вырос очень самостоятельным: из школы самостоятельно шел к матери в столовую, сам накладывал себе три порции котлет с макаронами, сам учил уроки у матери на кухне и сам закончил школу с удовлетворительными оценками. Он мечтал поступить в мореходку, но с первого раза поступить не смог и ушел служить в армию.

Длинными домашними вечерами Василий не мог найти себе места: книг он не читал, а телевизор его быстро утомлял. Поэтому, приходя домой, он ужинал и отправлялся на балкон, где, перебирая старые рыболовные снасти, сидел до самого вечера, пока подруги Зины не уйдут и за ними не захлопнется дверь.

В другой день, поужинав, он отправлялся к своему напарнику – Жоре, который, помимо основной работы в коммунальной отрасли, успел завести небольшой, но собственный бизнес. Как-то в один год он сумел не пропить все премии, выданные на работе, купить три туалетные кабинки, нанять двух пенсионерок и договориться через знакомых о размещении кабинок в хорошем, бойком месте на центральном бульваре. Это приносило Жоре небольшой, но

стабильный дополнительный доход, и его главной мечтой было расширение бизнеса до десяти кабинок или строительство стационарных туалетов из легких металлоконструкций.

Он уважительно называл свои кабинки «санитарными помещениями» и никому не позволял смеяться над ними и называть их «туалетами». Он постоянно говорил о своём бизнесе, читал какие-то книги по предпринимательству, жаловался на клиентов, уборщиц, руководство города и всегда сам лично ездил на бульвар «снимать кассу». Часто Василий по вечерам сидел вместе с Жорой около его «санитарных помещений» и слушал его бесконечные байки.

Василий сидел молча, перебирая семечки и аккуратно сплевывая их в скрученный из бумаги кулёк. Он думал о чём-то своем, но о чём, сам понять не мог.

Куда он мог еще пойти? Других интересных мест в этом городе, который за тридцать лет ему порядком надоел, он не знал. Когда-то он хотел обойти весь город пешком, от дальних пляжей до морского порта, мечтал изучить каждую улицу и каждый дом, но ... но мечты так и оставались мечтами. Пару раз он прошёлся по городу, просто так, без цели, и оба раза непостижимым образом ноги его приводили к вокзалу, откуда он когда-то провожал любимую Катю. С тех пор по городу он просто так не гулял – лишь ездил ежедневно по одному и тому же маршруту на своей машине, собирал мусор из контейнеров, которые были отмечены номерами в его путевом листе и возвращался обратно в гараж.

Отпусков Василий практически никогда не брал – он боялся их. Ехать ему было некуда, ведь вся страна в отпусках стремилась к морю, а он жил на море и даже умудрялся ни разу за сезон не искупаться в нём. Море уже не волновало его, не проливалось водопадом в сознание, не крутило в волне страстной любви и нежности, оно превратилось в большое пятно на географической карте и будничное место проживания. Вся свою жизнь теперь Василий представлял словно «вывернутой наизнанку» – другие приезжают на курорт отдохнуть и расслабиться, а он, живя тут, каждый день надрывается, поднимая тяжёлые мусорные баки.

В положенные два выходных Василий шёл к Жоре, на центральный бульвар к его «санитарным помещениям» и помогал своему другу в его сложном и растущем бизнесе: красил стены кабинок густой голубой краской, которую Жора приобрёл на какой-то распродаже, высаживал в заготовленные лунки красивые кусты и чинил дверные петли.

Как-то раз, после обеда, распарившись от пирожков и горячих котлет, завернутых Зиной, друзья сидели на стульчиках в тени и зевали. Тянуло спать, но Жора не переставал сотрясать воздух своими проектами и планами. В этот раз он разошёлся так, что начал мечтать о «санитарном бизнесе» в других городах. Он то и дело вскакивал, проверял, кинули ли граждане монетку в стаканчик на входе в «санитарное помещение» и довольный возвращался обратно.

– Суббота сегодня, хороший день, – почти не открывая глаз бубнил Василий.

– Да, сегодня народу много, хорошо. Вон, как бочка с квасом здорово торгует, – показывал Жора на противоположную сторону улицы. – Попили, и ко мне.... – довольно восклицал он. – Может мне тоже какую-то торговлю организовать? Салфетки одноразовые, гигиенические... может воду в бутылках, или лимонад. А?

– Хорош тебе, думать... Отдыхай... – протянул Василий. Он сидел, устало уронив голову на грудь.

День клонился к вечеру, народ на улицах города прибавлялся – отдыхающие словно высыпались на центральные улицы и площади города и двигались мимо туалетных кабинок, как колонны демонстрантов. Возглавляли колонны прохожих яркие детишки с цветными шарами, за ними шли довольные мамы, а замыкали шествие усталые и недовольные папы, которые украдкой пытались что-то рассмотреть за прозрачными стеклами кафе и ресторанов. Там, за стеклами, притягательно блестели скатерти, посуда и лица красивых блондинок в белых платьях.

Жара уже спадала, чувствовался приближающийся тёплый и скучный вечер с однообразной музыкой на набережной. К «санитарному предприятию» подошёл мужчина с ребёнком, мальчиком лет двенадцати. Грузный и немолодой, он был явно навеселе, обмахивался газетой и постоянно смеялся и шутил, разговаривая с сыном. Подойдя к бабе Шура, сидящей у входа в туалет за столиком, мужчина достал из кармана две смятые десятки и бросил их в стоящую для оплаты кружку.

– Два билета... на край света... – весело пропел он, открывая дверь кабинки. Баба Шура заботливо достала из кружки две смятые десятки, разгладила их на коленках, и аккуратно положила обратно.

– Веселятся всё. Весело им... – бормотала недовольная баба Шура, подвигая кружку на место.

Выходя из помещения и поправляя на ходу брюки, мужчина посмотрел по сторонам и обратил внимание на сидящих тут же, невдалеке, Васю и Жору. Те внимательно смотрели на мужчину, словно ждали продолжения песни про билеты. Мужчина весело посмотрел на них и причмокнув губами, произнес:

– Ах, хорошо. И уезжать не хочется! Представляете, мужики, – обратился он к Васе и Жоре, – ещё домой не уехал, а уже обратно сюда, на море хочется! Каждый год приезжаю, думаю, ну вот, – надоест! А нет! Наоборот! Почти двадцать лет сюда приезжаем и двадцать лет я... целый год... живу ожиданием этих дней... этого моря... этого воздуха, – он вздохнул, но оглядевшись на туалетные помещения, засмеялся. – Пойдем, Вася, домой надо собираться, – обратился он к сыну. Тот, хлопнув дверью, так же, как и отец, застегивая на ходу штаны, и весело подпрыгивая, засеменял за папой. Через минуту отец и сын скрылись в вечерней толпе шариков, возгласов и улыбок.

Василий передёрнулся, когда услышал своё имя. Только через минуту до него дошел смысл сказанного. Он ещё долго сидел, смотря вслед весёлому отцу с сыном. Хорошее субботнее настроение куда-то пропало, сначала он, по привычке, глубоко вздыхал, затем встал, прошелся вдоль бульвара, обошел эти надоевшие «санитарные помещения», вернулся к Жоре и как-то заволновался.

– Чо ты? – внимательно посмотрел на друга Георгий.

– Да так. Чего-то нехорошо. Чего-то так... – Василий потёр грудь и таким взглядом посмотрел на Жору, что тот моментально всё понял.

– Дак... это я сейчас, сбегаю. Ты только скажи, – мигом сообразил Жора.

Через двадцать минут друзья, сидя на раскладных стульчиках на набережной и глядя на морской закат, уже наливали в пластиковые стаканчики крепкий напиток. Жора по-прежнему болтал о своих планах расширения туалетной сети, перечислял вслух новые адреса в городе, где бы он поставил свои кабинки....

У Василия было тяжело на душе. Он смотрел на тёплые краски желто-оранжево-рубинового заката, на облака, которые неторопливо плыли в сторону моря и молчал. Слёзы душили его.

Жора допив стакан, встал, подошёл к другу и молча обнял его.

– Чо ты, Вась?

Василий лишь тихо вздыхал и утирал рукавом выступившие слезы.

– Да чо, Жор. Вон все мечтают о море, приезжают сюда и наслаждаются своими мечтами. Ты... вон... хоть о чём-то мечтаешь. О туалетах своих... А мне о чём мечтать? Я всё детство и юность мечтал о море, о том, что приеду на курорт. Потом мечтал о том, чтобы удержаться здесь, жить и наслаждаться этим... морем, этим воздухом, этим солнцем. Ждал, когда начнется это... наслаждение. А его всё нет. Уже жизнь прошла, а его всё нет. Все мечтают о море, приезжают сюда, отдыхают... – Он сделал длинную паузу. – А я дерьмо за ними вожу... О чём мне мечтать теперь, Жор? О чём?

Жора уже ничего не отвечал, сидя на стульчике, с хрустом откусывал кусок копченой колбасы. Лишь пожимал плечами и, с набитым ртом, показывал рукой куда-то в сторону моря.

Где-то недалеко от берега в море уплывала одинокая лодочка и кто-то в ней монотонно работал веслами...

ЛИТ-РА

– Где моя указка? – тяжело дыша, Тамара Павловна вернулась в учительскую. – Ну, где... кто видел мою указку?

– Да бросьте вы эти свои штучки... указки... – не выдержала Антонина Львовна, завуч школы, и, не поднимая глаз от школьных журналов, махнула рукой в сторону. – Идите уже на урок!

– Что вы, Антонинльвовна, это же... это как дирижер на концерте... я не могу без указки. А! Вот она! – Тамара Павловна сунула указку между книг и заторопилась в 10-ый «б», в котором вот-вот должен начаться урок литературы. Перед входом в класс Тамара Павловна поправила волосы, переложила книги и журнал в левую руку и рывком открыла дверь.

– Так! Все сели, я говорю! Сели все! – резкий возглас Тamarпалны разорвал шумный гул 10-го «б». Ученики быстрыми прыжками заняли свои места в классе. Входная дверь за учительницей громко захлопнулась, и стопка книг вместе с классным журналом небрежно бухнулась на учительский стол.

Учительницу литературы Тамару Павловну Мирончук ученики звали очень коротко – Тamarпална. Короче сократить уже было нельзя. Нельзя сказать, что ученики особенно любили её. Ни литературу, ни другие предметы, ни особенно учителей в школе они вообще не любили. Проще было перечислить, что старшеклассники любили в своей школе – для этого было достаточно пальцев на руках: первое сентября, новогодний огонек, дискотеки, викторины, большую перемену, горячие пирожки в столовой, последний звонок и долгожданный выпускной. Остальное было обязательным и утомительным, но необходимым приложением к этому развлекательному школьному набору.

Каждый урок каждого учебного дня начинался с тянущегося, надрывного вздоха, проносающегося по классам. Вздох поднимался выше, сгущался и уплывал по коридору в физкультурный зал. Там он ещё долго висел под потолком, изредка взрываемый школьным мячом, затем уходил через щели в окна и плавно спускался на белый снег.

Тamarпална грузно опустилась на учительский стул, открыла журнал и надела очки.

– Сели, Печёнкин, я сказала! Сели и открыли свои дневники и сразу записываем домашнее задание. Повторяю, для забывчивых, домашнее задание на завтра: *«Самостоятельная письменная работа на тему «Духовная деградация личности доктора Старцева в рассказе Чехова «Ионыч»»*. Печёнкин, я сказала записываем! Неси сюда дневник, я посмотрю, что ты записал!

Уронив сумку, Вадик Печёнкин поднялся со стула, и, медленно подойдя к учительскому столу, протянул свой дневник. В графе напротив «Лит-ра» было написано два слова – «Духовная диградация».

Большую часть своей педагогической карьеры (через два года она собиралась отметить пятидесятилетний юбилей) Тамара Павловна вела литературу в школе, она имела весомый педагогический опыт работы со старшеклассниками! Она знала, что лучшее начало урока – строго и сразу поставить учеников на место и дальше спокойно работать по теме.

– Что за Лит-ра?

– Литература... м-м-м... так не влезает, Тamarпална!

– Не влезает, – передразнила учительница. В твою голову, Печёнкин, литература никогда не влезет. Садись... Так. Сегодня мы обсуждаем рассказ Чехова «Ионыч», о котором я

вчера вам рассказывала. Так, кто прочитал его и сможет нам рассказать суть произведения? – Тмарпална медленно встала из-за стола, взяла в руки привычную указку и направилась вглубь класса, оглядывая учеников.

Над классом медленно поднялась одна рука. Это была Лиза Болотова, отличница. Учительница по привычке ткнула указкой в парту Болотовой: «Давай, Болотова, с тебя начнем».

– Смотри, «Болото» опять впереди всех, – послышался шепот с третьей парты, за которой сидели крепкие «троешники» Гоша Синицын и Владик Голубев.

– Давай, Болотова, рассказывай ты, раз никто не помнит, о чем учитель вчера целый урок тут разорялась, – торжествуя произнесла Тмарпална, оглядев притихший класс.

– Основной линией рассказа является история несостоявшейся женитьбы Дмитрия Ионыча Старцева. Сама фамилия персонажа – Старцев, указывает нам на перспективу преждевременного старения души Ионыча... и...

– Так, хорошо Болотова. Молодец. Садись. Пять. Печёнкин, а что ты запомнил из вчерашнего урока? Расскажи нам, как ты понял рассказ Чехова, – Тмарпална и в этот раз ткнула указкой в парту ученика.

– А чего опять Печёнкин? – сидя промычал Вадик.

– Так, ты рассказ читал? Встань, когда с тобой учитель говорит!

– Ну читал, – Печёнкин нехотя встал.

– Ну... рассказывай!

– Ну он...

– Кто?

– Ну, главный герой...

– Как его зовут?

– Ну... а... этот... Ионыч!

– Ну, что... этот Ионыч? Что он за человек?

– Ну, Ионыч... он... ну, он врачом работал... лечил... и деньги зарабатывал... Ну, у него был роман с этой... Котиком... с девушкой из хорошей семьи. И они... – Печёнкин замолчал.

– Ну, что у них, сложились отношения? – подсказывала Тамара Павловна. Класс уже начинал мучительно и тихо хохотать.

– Ну, сложились... – Печёнкин опять замолчал, давя в себе смех.

– Так, Печёнкин, садись. Два. Мало того, что ты не учишь ничего, ты и на уроке не слушаешь.

– Я учил, Тмарпална! Учил я! – оправдывался Печёнкин.

– Ну раз учил, расскажи тогда в чём выражалось духовное падение главного героя?

Вадик опять встал, но молчал.

– Деньги, деньги пересчитывал... – раздался зловещий шепот со второй парты.

– Он, это... он деньги пересчитывал...

– Какие деньги, Печёнкин? К кому ездил в гости Старцев, в какую семью?

– К этим..., ну которые на роялях играли.

– Ну, ну... Почему я из тебя должна все это вытягивать? Ты что двух слов на уроке литературы связать не в состоянии? Как ты будешь ЕГЭ сдавать, Печёнкин?

– А у него в ручке встроенный вай-фай с ответами из интернета, – послышался голос с «камчатки», с последней парты, за которой сидел долговязый Гоша Пахомов.

Класс взорвался хохотом. Тмарпална хлопнула указкой по ближайшей парте.

– Так, Пахомов, не срывай мне урок! Или выйдешь сейчас из класса! Тихо! Ну, Печёнкин, что ещё ты можешь вспомнить?

– Умри, несчастная! – сорвал очередной шквал хохота Пахомов.

– А, да, так смеялся там слуга у этих... в той семье... куда Ионыч ходил.

– Пахомов, ставлю тебе «два» в журнал и завтра с родителями к директору. Давай сюда дневник!

– А... это! Я его дома забыл!

– Завтра пусть родители приносят директору твой дневник.

– Ну, что Печёнкин, ты так и будешь молчать или слушать своих товарищей-идиотов?

– ...

– Ну! Чего молчишь?

– ... Я не молчу!

– Садись, изверг. У тебя выходит «три» в четверти, но как ты будешь писать ЕГЭ? Я не представляю...

Тамара Павловна подошла к учительскому столу, открыла журнал, перелистала несколько страниц и провела невидимой линией путь сверху страницы вниз, остановившись напротив фамилии «Журавлева».

– Так, Катя Журавлева продолжит. Что происходит с главным героем рассказа? Давай у доски, расскажи нам поподробнее.

Тонкая девушка с журавлиной фамилией грациозно прошла к доске, не спеша развернулась и, приняв позу модной актрисы с обложки журнала, начала литературный анализ:

– В рассказе «Ионыч» показана духовная деградация личности человека, который не интересуется ничем, кроме работы и денег. Еще в начале рассказа главный герой влюбляется в девушку из хорошей семьи, но она отвергает его любовь, потому что хочет стать актрисой.

– Журавлева тоже пойдет в актрисы! – послышался опять до боли знакомый голос Пахомова. – Котик! – артистично продолжал он забавлять класс. Класс уже тихо надрывался сквозь проступившие от смеха слезы.

– Пахомов, закрой рот или выйдешь из класса! – на этот раз грозно крикнула Тамарпална, замахав указкой.

– Все, молчу Тамарпална. Молчу!

– Ф-ф-ф-ф... Продолжай, Журавлева...

– Через несколько лет её мечта так и не осуществилась, и она возвращается в свой город и живет там с мамой. Настоящая актриса должна готовить себя заранее к своей профессии...

– Правильно, Журавлева. Вот, например, супруга Туркина, Вера Иосифовна, с молодости пишет романы. Помнишь, кстати, как начинался её роман, который она в начале повествования читает гостям?

– Не помню...

– Её рассказ начинался словами «Мороз крепчал...» А на самом деле в это время за окном был... – Тамарпална вопросительно посмотрела на Журавлеву, – за окном был... За окном был летний вечер, Журавлева! Так автор передает контраст между тем, что человек думает и что происходит на самом деле. Такой литературный прием называется контрастом и он говорит нам о том... О чем он говорит, Серов? Серов, не спи!

Ученик за четвертой партой, маленький и смешной Саша Серов подскочил, встряхнувшись ото сна.

– О том, что... – быстро выпалил он. – О том, что ... мороз крепчал...

– Маразм крепчал! – «поправил» Пахомов и бурный смех, который невозможно было никуда спрятать, ни подавить, опять порвал класс.

– Пахомов, ещё одна такая выходка, ты будешь продолжать острить за дверью класса с двойкой в аттестате, – продолжала махать указкой Тамарпална.

– Всё, всё, Тамарпална!

– Болотова, так о чём говорит такой прием, применённый в рассказе?

– О том, что такой человек далек от действительности...

– Правильно, Болотова. – Усталый голос Тамарпалны стал ниже и суше. Дальше она начала произносить слова, как будто зачитывала что-то под диктовку. Многолетняя педагогическая практика подсказывала ей, что важные выводы говорить на уроке нужно медленно и степенно, чтобы ученики прочувствовали «главную суть» урока, то есть произведения. Она продолжала:

– Такие люди, как Туркины, живут своей обособленной, сытой, но скучной жизнью, и пытаются заполнить пустоту жизни хоть какими-нибудь увлечениями. Ранний Старцев, как рисует нам его Антон Павлович Чехов, ещё может увлекаться, он живой и интересный мужчина, но его чувства отвергаются. Помните, эту сцену, когда он обнимает Катю, целует её, но она отталкивает его, говорит «довольно» и убегает. Помните? – Тамарпална посмотрела куда-то в окно. – Ну, а на кого похож герой в конце рассказа? Как его описывает автор? А, Серов, не засыпай снова, я тебе не дам... Надо работать на уроке! – Тамарпална по привычке указала на парту ученика указкой, только в этот раз она мягко ткнула в спящую голову Саши Серова. Он снова встрепенулся и быстро встал:

– Я работаю, Тамарпална. Старцев в конце рассказа представляется каким-то... неприятным... человеком, он... тово... духовно деградировал.

– Ну а что это значит?

– Ну, он ходит, смотрит квартиры... вкладывает деньги в недвижимость... так неприятно ходит.

– Что значит неприятно?

– Ну он тычет своей тростью в каждую дверь, не стесняясь людей...

– Да... правильно, Серов. – Тамарпална на секунду задумалась, посмотрела на указку и переложила её в левую руку. – А как Старцев теперь реагирует на воспоминания о бывшей любви, Журавлева? – Тамарпална развернулась вполоборота к другому ряду столов.

Журавлева медленно поднялась, поправила волосы и сказала:

– Старцев сказал: «А хорошо, что я тогда не женился». Подлец!

– Правильно, Журавлева! Ну, насчет подльца я не совсем согласна...

– Да, ему подфартило, что он не женился на этой глупой актрисе, а то бы мучился всю жизнь... – опять привстал со своего места Пахомов.

Журавлева вдруг развернулась к Пахомову и резко выпалила:

– А он и так по жизни мучился от своего скверного и тупого характера!

– Ну... а так бы он маялся с ней. Как все мужики маяются с вами... – Пахомов обреченно сел, класс вдруг затих и все посмотрели на Тамарпалну.

– Пахомов, чего ты лезешь? Ты не знаешь рассказа, так и молчи! Сначала прочитай Чехова, потом рот открывай... – была неумолима в своем вердикте Журавлева.

– А чего там читать, скуотища?! Я пробежал краткое содержание и понял, что читать там нечего. Я лучше «Камедиклаб» посмотрю, там хоть поржать можно.

– Так, Пахомов, мы с тобой уже разобрались. Или нет? – Тамарпална грозно направилась к последней парте. Я тебе сколько раз буду говорить – не лезь! Не лезь, понял? – Тамарпална со всей силы хлопнула указкой по парте Пахомова, указка хрустнула, переломилась пополам и выпала из рук учительницы. – Я родителей твоих уже вызвала, сиди и молчи. Завтра попробуй не принести самостоятельную работу по теме, получишь два балла в аттестат!

– Я достану, Тамарпална, – полез рядом сидящий Сеницын под стол. Достав половинку указки, он протянул её учительнице. Та, резко развернувшись на месте, и уверенно стуча каблуками по притихшему классу, вернулась к учительскому столу и, отодвинув стул, села.

Класс молчал. Только Пахомов, тихо присвистывал, рассматривая замерзшие ветви деревьев за школьным окном. За окном сыпал мелкий снежок, было солнечно, морозно и так тянуло выбежать на улицу, выдохнуть теплым паром, потереть озябшие ладони, замотаться шарфом и бежать, бежать... навстречу солнцу, небу и будущему душистому лету...

Тамара Павловна отдышалась и снова пошла «в наступление».

– Ну так и в чём, по-вашему, «духовная деградация героя»? В чём она выражается? Давай, Сеницын, теперь твоя очередь...

– Духовная деградация, Тамарпална, это когда герою уже ничего не нужно, кроме работы и денег. Ни любовь, ни впечатления, ни книги, ни какие-то развлечения... Он живет один и... никому не нужен.

– А почему он никому не нужен? – Тамарпална показала огрызком указки на Голубева.

– Потому что он никому не сделал в этой жизни ничего хорошего, – спокойно ответил тот. – Эгоист!

– Правильно! Как Пахомов у нас. Эгоист, думает только о себе. И даже о родителях не думает. Мать как ни придет, плачет, а он... – Тамарпална грозно посмотрела на Пахомова.

– Ну, а что я? Ну вот зачем... зачем нам эти рассказы? Если тут нету ни одного положительного героя? – Пахомов привстал, чтобы его увидел весь класс. – Разве тут есть хоть один нормальный? Одни идиоты, что возьми семью Туркиных, или самого этого... Ионыча. Чего в этом рассказе хорошего?

– Пахомов, сядь. Нужно было отвечать, когда я спрашивала. А если есть вопросы, задавать будешь в конце урока. Сядь!

– Нет, ну Тамарпална, ну зачем тогда вообще вся эта дребедень нужна... эта литература? Что мне даст эта литература в жизни? Я понимаю, физика, математика, институт, специальность, профессия, а это – «Котик играет на рояле»... тьфу, зачем мы это проходим?

– Пахомов, если кого и коснулась духовная деградация, то это тебя, а не главного героя. Как ты не понимаешь, что литература утверждает лучшие человеческие качества и идеалы, заставляет сопереживать литературным героям, развивает наши чувства и делает нас более чуткими и тонкими. А ты... ты посмотри на себя!

– А что?

– То!

Пахомов как-то криво, но искренне улыбнулся, и оглядел весь класс, собирая аплодисменты. Класс в это время тихо покатывался со смеха. Ребятам было, в целом, все равно над чем смеяться, – они с радостью смеялись и над своими товарищами, и над учителями, и над ситуациями, которые происходили в классе. И не только в классе. Они вообще любили смеяться. Главное было, чтобы источник смеха был где-то рядом. Всегда где-то рядом.

– Сядь, Пахомов и растворись в тумане. Я заканчиваю урок. Значит, ещё раз, для тех, кто страдает провалами в памяти, завтра приносим на литературу самостоятельную работу на тему, которую вы в начале урока записали в дневники. Да, Пахомов, записали?

– Да, записали.

– Те, кто напишет, будет допущен к тестированию по ЕГЭ. А тот, кто не напишет, будет мыть окна в классе.

– Я уже нашел, откуда списать, – Сеницын шепотом показывал Голубеву под столом смартфон, открытый на нужной странице, – вот сайт в интернете, тут как раз про Ионыча.

– Ага, ссылку пришли.

– Окей, пришлю.

– Так, класс, у кого есть задолженности по прошлым темам, подходим после уроков. К Пахомову это не относится, Пахомов будет подходить к директору. Завтра, не забудьте, вторым уроком – литература. Сразу после физкультуры. Литература, Соколов, слышишь, а не лит-ра!

– Да понял, Тамарпална, понял.

Прозвенел звонок и класс быстро опустел.

Через пять минут Тапарпална зашла в учительскую, незаметно сняла тесные туфли и устало опустилась на диван. За окном трещали от мороза раскачиваемые ветром деревья, снег падал на подоконник и яркое, молочное солнце освещало внутренний двор школы.

«Мороз действительно крепчал», – вспомнила Тамара Павловна. Она на минутку задумалась, перед её мысленным взором быстро промелькнули муторные сессии в институте, нудные экзамены, жаркая летняя практика в далекой вологодской школе, первая влюбленность... горячий первый поцелуй на сеновале, вся молодость... как один миг!

Всего лишь увлечение... Она вспомнила своего первого и единственного мужчину, с которым познакомилась в Вологде... Вспомнила его приставания и поездку к маме, вспомнила, как знакомила его с родственниками, как представляла его отцу... «А хорошо, что я не связалась... с этим обалдуюем...» – подумала она.

«Жизнь, как один миг», – тихо повторила она и загрустила. Настроения не было ни до урока литературы, ни теперь, после...

Из папки с книгами и журналами выпал на стол огрызок указки. Она долго вертела его в руках, и, вдруг, сильно нажав двумя руками на остаток длинной палки, бывшей когда-то школьной указкой, переломила его ещё раз пополам. Губы её в тот момент сжались в каком-то нечеловеческом желании сделать эту палку еще короче.

– Что Пална, уже к четвергу достали? Вот... а завтра пятница... – устало и безнадежно пробормотал Михалыч, учитель физкультуры, просматривая какие-то бумаги.

– Да, не говори. Через неделю завуч поставила мне открытый урок, вот придёт... наша дура, чего я буду давать, даже не знаю...

– Ладно, Тамар, не грусти... Завтра зарплата будет... Сегодня, говорят, бухгалтерия уже рассчитала. – Михалыч распрямился, поднял глаза от бумаг, задумчиво посмотрел в окно и устало вздохнул.

Тамара Павловна тоже смотрела в окно и молчала.

А за окном действительно крепчал мороз.

ГЕНЫ

Чпу-у-ук!

Крышка литрового винного пакета оторвалась привычным движением руки и полетела в кусты. В пакете булькнуло, густое вино выступило наружу, сладко полилось по руке. Гена Первухин сделал первые огромные глотки, – они вливались в него, словно потоки водопада, прорвавшегося с горных вершин, сметая всё на своем пути и ровно заполняя «водохранилище» желудка одиннадцатиградусным дешевым напитком. После трех первых глотков Гена отдышался, затем снова припал к пакету, и уже мелко добавлял и добавлял эту кисло-сладкую жидкость, которая заполняла его всего, – так опытный водитель заправляет бензобак своего автомобиля – «под горлышко». Второй раз Гена отдышался уже тяжелее, бегло взглянул по сторонам, и негромко крякнув, последним, финальным глотком допил содержимое. Несколько минут он постоял тихо, не шевелясь и не озираясь, боясь «расплескать» предстоящие ощущения. На какую-то секунду ему показалось, что рядом с ним, кто-то тихо и медленно вздохнул.

Но в это субботнее апрельское утро Гена был один.

Он стоял ровно, словно впитывал в себя эти драгоценные минуты. Вино, «упавшее» в него, вызывало какое-то особое, кисло-сладкое отвращение, но это довольно странное чувство уже через несколько минут начало переливаться в сладкое ощущение приятной легкости, почти невесомости. Легкими становились руки, ноги, еще через несколько минут глаза ослепли от яркого солнца, которое тонкими лучами пробивалось сквозь ветки берез, волосы подхватили порыв приятного, прохладного ветерка, а голова стало четко различать все звуки. Гена отчетливо услышал ровный гул самолета, летевшего высоко над городом.

У-у-у, – ровно гудел лайнер. И Гена вдруг ощутил, что именно эта суббота так хороша, свежа... что всё только начинается...

Он закрыл глаза и... икнул.

Суббота действительно только начиналась. Ночью прошел небольшой дождь, на улице было по-апрельски солнечно, свежо и влажно. С еще голых ветвей падали, словно слезы, одинокие капли ночного дождя, а мягкий, пьянящий весенний ветерок вносил ясность, утверждая, что весна наконец-то пришла. В зимней куртке Гене было уже жарко, он расстегнул молнию и стоял, наслаждаясь застывшей картиной свежей весны.

Он с наслаждением смотрел на берёзы, на скверик, где он прятался от лишних, любопытных взглядов соседей, которые теми же тропинками ходили в ближайший магазин. Сейчас Гена готов был общаться, спорить до хрипоты и обнимать своих добрых соседей, всё глубже и яснее постигать смысл событий, но... соседей поблизости не было. Невдалеке от Гены прогуливался какой-то чужой рыжий пёс, который иногда искоса поглядывал на Гену, надеясь на какую-то съедобную подачку. Пёс, правда, вел себя довольно странно: он то отходил, виляя хвостом, то возвращался и злобно лаял на Гену.

Гена выругался на собаку, но пёс все равно убежал и возвращался снова, неприятно лаял, словно «расплескивал» Генино настроение. Он пытался кинуть в собаку чем-то, попавшимся под руку, но рядом с ним стояла лишь линялая сумка, в котором лежал батон, пакет молока и бутылка подсолнечного масла. Ради этих «несчастных» продуктов Люда, его жена, и отправила рано утром Гену в магазин.

Ох, Люда, Люда...

Теперь оставалось только добежать домой, по ходу закусив конфеткой это кисло-сладкое ощущение. Оставалось совсем чуть-чуть, но так не хотелось уходить из этого тихого, уютного скверика.

«Ох, скверик, скверик», – Гена почему-то задумался о том, что слова «скверно» и «скверик» очень похожи... «К чему такие разные слова так похожи?»

Рядом с ним шевельнулась ветка березы, как будто кто-то задел её, проходя мимо.

Гена стоял один, невядалеке лаял рыжий голодный пес.

Неожиданно пространство рядом с Геной странным образом «колыхнулось». Словно качнулся воздух, – просто качнулся и всё. Такое бывает, когда в разгоряченный солнцем день, воздух как будто «плывет» над горячим асфальтом.

Гена встряхнул головой и оглянулся. Рядом никого не было.

Однако, теперь, когда его чуткое восприятие мира стало ещё тоньше, он словно ощущал рядом с собой присутствие кого-то другого. Кого-то чужого. Словно, кто-то невидимый стоял рядом с ним, близко-близко и почти дышал ему в лицо.

Гена ещё раз огляделся, заглянул в пустой винный пакет и только теперь прочитал название «Вино полусладкое красное «Наваждение».

«Чего они туда добавляют?» – подумал Гена.

Потом ещё раз огляделся.

Швырнув пакет в сторону пса, Гена поднял сумку с продуктами и двинулся к дому. Пес сначала отскочил, затем, повиляв хвостом, вернулся к пакету, обнюхал его и пару раз смешно чихнул.

Когда Гена уверенно и твердо зашагал по асфальтовой дорожке к дому, ветка березы качнулась ещё раз. Потом ещё раз. Пространство рядом с тем местом, где стоял Гена как-то странно затрепетало. Никто не мог видеть и никогда бы не увидел того, что творилось в это время, в том самом месте, где ещё минуту назад Гена Первухин пил дешевое кислое вино.

Зрение человека устроено так, что может видеть только предметы и явления. А то, что находится за пределами живого мира, и уже ни является ни предметом, ни явлением, никто из

живых людей видеть не может. А именно там, в Том Мире, который скрыт от нас, происходят порой странные вещи.

В том месте, где только что стоял Гена, рядом с ним невидимым образом находились две сущности. Это были не люди, а лишь образы, сущности, эфирные тела двух мужчин, или вернее сказать, тех, кто когда-то был в этой жизни мужчинами. Они тоже когда-то жили на этом свете, имели семьи, работали на заводах, ходили в магазины, и, наверное, также, в скверике, употребляли после работы дешевые алкогольные напитки. Мужчин этих звали тогда Витя и Гена.

Когда-то, в Той жизни, они были добрыми, но неисправимыми алкоголиками, и покинули этот бренный мир из-за своего неизлечимого увлечения: Витя скончался от цирроза печени, а Гена – от сердечного приступа во время похмелья. В результате такой беспорядочной и скомканной жизни, принятие решения об их пребывании в Дальнейших Мирах, было отложено до Особого Дня. И пока решение не было принято, Гена и Витя существовали в Этом Мире, но уже не как люди, а как безтелесные сущности, с достаточно широкими возможностями, но практически без прав их реализации. Это означало, что они могли делать всё, что хотели в рамках того, что делать им было практически ничего нельзя, – они не имели никакого права вмешиваться в жизнь Этого мира, – это грозило окончательной потерей всякой надежды на Решение. А именно этой надеждой они и жили, ожидая, как и все люди, живущие в этом мире, прощения за свою бесцельную и беспутную жизнь.

Они могли только сопереживать. А так как многим чувствам они ещё и при жизни не научился сопереживать, то они с радостью предавались единственному ощущению, с которым они были близко знакомы. Именно это чувство и привело их в сквер, где этим свежим апрельским утром, слесарь пятого разряда Геннадий Первухин пил вино из красного пакета с надписью «Наслаждение».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.